

Хань Дуй вернулся домой, где его тут же засыпала вопросами Чэнь Юэсян:

— Ну как, повидался с директором Ян? О чём толковали?

Хань Дуй с улыбкой ответил:

— Саму директора Ян я не застал, зато пообщался с другими товарищами из Федерации женщин. Я им страшно понравился, даже спросили, не хочу ли я к ним на работу устроиться.

Чэнь Юэсян хлопнула себя по коленям:

— Ой, так это же замечательно! Ты ведь согласился, да?

Хань Дуй покачал головой:

— Нет, я промолчал. Всё-таки мне больше хочется попасть в правление нашей артели.

Чэнь Юэсян всплеснула руками от досады:

— Да ты совсем одурел, малец! Отказываешься от такой золотой возможности ради этой дыры! Забыл, что в артели наши враги только и ждут случая, чтобы вцепиться тебе в глотку? Ступай после обеда обратно, поговори с ними по-хорошему.

Хань Мэй, накрывавшая на стол, услышала это и тоже расстроилась за брата:

— Сяо Жуй, мне кажется, работа в Федерации женщин — это очень почётно. Сама посуди: если бы не директор Ян, моя беда так и осталась бы нерешённой. Поступишь туда — сможешь помогать другим попавшим в беду женщинам.

Хань Дуй с тёплой улыбкой посмотрел на сестру:

— А у тебя, старшая сестра, сознательность-то растёт! Уже о нуждах других думаешь. Молодец, хвалю.

Хань Мэй смущённо улыбнулась:

— Да какая там сознательность... Просто сужу по себе.

Чэнь Юэсян, крайне недовольная тем, что её слова пропустили мимо ушей, не выдержала и легонько стукнула Хань Дуя бамбуковыми палочками по макушке.

Тот ойкнул и потёр голову:

— Мам, с виду ты такая кроткая женщина, а дерёшься как заправский разбойник!

Но Чэнь Юэсян на эту лесть не купилась:

— Да брось ты! Твоя мать отродясь кротостью не отличалась.

Хань Дуй, прикрывая голову руками, поспешно отодвинулся от неё подальше:

— Мам, верь мне. Раз сказал, что попаду в артель, значит, попаду. Хочешь, расписку напишу? Если до конца года ничего не выйдет, я сам пойду на поклон к директору Ян и попрошусь в Федерацию женщин.

Чэнь Юэсян посмотрела на него с подозрением, но, видя непреклонный вид сына, лишь махнула рукой — спорить было бесполезно.

За обедом Хань Дуй рассказал сестре о своей задумке с вышивкой благодарственного вымпела.

Глаза Хань Мэй мгновенно загорелись:

— Сяо Жуй, как же здорово ты придумал! Я ведь тоже всю голову сломала, как отблагодарить директора Ян. Точно, вымпел! Нарисуй мне эскиз поскорее, а я схожу куплю красного сукна и займусь шитьём.

Чэнь Юэсян тут же подключилась к обсуждению, прикидывая, какая ткань подойдёт лучше всего. Женщины разговорились не на шутку, и под конец мать вынесла вердикт: эскиз Хань Дуя им без надобности, они и сами прекрасно знают, как и что вышивать.

Хань Дуй был только рад избавиться от лишних хлопот. Вернувшись к себе в комнату, он принялся перерывать ящики в поисках чего-нибудь, что сошло бы за подарок на день рождения Лю Фэнцю.

До чего же он докатился — гол как сокол! Пока учился в школе, водились хоть какие-то копейки, а теперь — ни гроша за душой.

После долгих поисков его взгляд упал на новенький блокнот в добротном красном переплёте. Вполне приличная вещь для подарка. На том и порешил. Хань Дуй немного подумал и вывел на форзаце аккуратное напутствие — вышло идеально.

Около двух часов дня над деревней разнёсся хриплый голос из репродуктора — заместитель

начальника артели Лю Вэйго созывал всех колхозников на собрание.

Чэнь Юэсян прихватила с собой шитьё и отправилась на площадь. Хань Дуй с Хань Мэй пошли следом. Хань Дахуа, услышав призыв на улице, тоже побрёл к конторе.

Собрание вёл сам Лю Вэйго. Этот приземистый коренастый мужик лет сорока от роду когда-то носил имя Лю Эргоу, то есть Лю Вторая Собака. Но, выбившись в люди и заделавшись местным начальником, он счёл прежнее имя несолидным и переименовался в патристичного Лю Вэйго — Защитника Родины. Впрочем, сути это не меняло: за постоянное подхалимство перед Капитаном Ли Маньфу в деревне его за глаза величали не иначе как Лю Собачья лапа.

Повестка дня оказалась незамысловатой. Земли в их восьмой артели было мало, а ртов — много, так что урожая на всех едва хватало. Выход руководство видело в развитии подсобных промыслов. Под этим громким словом подразумевалась всякая мелкая кустарщина: плетение корзин, витьё веревок да шитьё рогожных мешков.

Правление артели призвало всех поголовно выйти на работу во время зимнего затишья, чтобы пополнить общую казну.

Как только люди начали расходиться, Лю Вэйго целенаправленно подошёл к Чэнь Юэсян.

— Слушай, Юэсян, поговаривают, твой старший, Ганцзы, в гости уехал? Вели ему поживее возвращаться. Наша бригада собирает людей на укрепление речной дамбы, от вашего двора требуется не меньше трёх крепких мужиков.

— Ладно, поняла, — нехотя отозвалась Чэнь Юэсян. — На днях вернётся.

Лю Вэйго скользнул по Хань Дую оценивающим взглядом и натянул на лицо фальшивую улыбку:

— Хань Дуй, ты у нас парень с образованием, школу окончил. Но это не значит, что можно бить баклуши. Показывал бы лучше пример остальной молодёжи: трудился бы честно на земле, а не шатался без дела где попало.

Чэнь Юэсян так и взвилась от этой колкости:

— Слышь, Капитан Лю, мой Сяо Жуй без дела не шатается! И вообще, у людей сейчас редкие дни отдыха выдались — даже если он и прогуляется немного, кому какое дело?

Лю Вэйго тут же насупился и принял грозный вид:

— Товарищ Чэнь Юэсян, выбирайте выражения, когда разговариваете с руководством! Я, как

заместитель начальника артели, обязан наставлять членов нашего коллектива на верный путь.

Хань Дуй вальяжно вклинился в разговор:

— Огромное спасибо за заботу, Капитан Лю. Значит, вы тоже заметили, что я маюсь от безделья? Ну так дайте мне наконец работу! Когда правление примет решение на мой счёт? Назовите точные сроки. Если у вас для меня ничего нет, так и скажите, не маринуйте человека. Я тогда со спокойной совестью пойду устраиваться в управу коммуны.

Глаза Лю Вэйго полезли на лоб от изумления:

— Что ты несёшь? Кто тебя маринует? И при чём тут вообще коммуна?

Хань Дуй разыграл крайнее удивление:

— Как? Разве Капитан Ли вам ничего не передавал? Или вы запомнили? Вообще-то, моя душа по-прежнему лежит к нашей артели. Да и знающие люди мне тут на днях нашептали: дескать, в руководстве восьмого отряда сидят одни Ли, и только вы, Капитан Лю, из пришлых. И если в правление не попадёт представитель от нашей фамилии Хань, поползут нехорошие слухи. Начнут болтать, что у нас тут никакой демократии, а сплошное самовластие в духе старого строя. Сами понимаете, дойди подобные разговоры до уездного начальства — проблем не оберёшься.

Выдержав паузу, Хань Дуй по-стариковски наставительно добавил:

— Капитан Лю, в наше время главное — это стабильность и классовое единство, согласны?

Пока они препирались, вокруг собралась толпа любопытных колхозников, жадно ловивших каждое слово. Лица собравшихся так и заиграли гаммой эмоций, по рядам прокатился шёпот.

Те, кто носил фамилию Хань, поначалу опешили. Из намёков парня выходило, что кого-то из их рода собираются двинуть в начальники? И этим счастливым может стать Хань Дуй! Пусть даже кресло займёт не кто-то из них лично, но иметь своего человека в правлении — дело великое. Всяко лучше, чем уступать власть чужакам.

Несколько мужиков тут же потащили Хань Дуя в сторонку расспрашивать, другие обступили растерянного Лю Вэйго, требуя объяснений. Но большинство лишь скептически перешёптывалось:

— Да пустая затея. С чего бы это Ли Маньфу пустил кого-то из Ханей к кормушке?

— А с какой стати ему нас не пускать? — горячился кто-то другой. — Чай не при императоре

живём! Нынче у нас новая власть, трудовой народ правит страной. Или мы, Хани, не люди, не народ?

— И то верно! — раздалось из толпы.

— А что там Сяо Жуй болтал про работу в коммуне? Кто-нибудь в курсе?

— Понятия не имею. Сейчас закончим тут, у него самого и спросим.

Слова Хань Дуя произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Едва собрание объявили закрытым, толпа Ханей плотным кольцом окружила Хань Дуя и Чэнь Юэсян, сопровождая их до самых ворот усадьбы.

Как только они зашли во двор, старший дядя Хань Дачжун торопливо задвинул засов на воротах и накинулся на племянника:

— Ну и скрытный же ты, Сяо Жуй! Какое дело провернул, а нам — ни слова!

Старшая тётя Ду Хунли укоризненно покачала головой, глядя на невестку:

— Юэсян, и ты туда же? Как можно было скрывать такое от своих? Мы же одна семья!

Чэнь Юэсян лишь безмолвно хлопала глазами.

Двоюродный брат Хань Тэ дружески ткнул Хань Дуя кулаком в плечо и расплылся в улыбке:

— Братец, как в начальники выбьешься, не забудь про меня — подкинь работёнку полегче!

Двор наполнился весёлым гомоном, каждый спешил вставить свои пять копеек. Хань Дуй снисходительно улыбался, наблюдая за этим суматошным сбродом.

«Что ж, затея определённо нашла отклик в сердцах земляков. А против народной воли никакое начальство не попрёт»

Сородичи прокутили в доме Ханей ещё добрых полчаса, горячо обсуждая открывшиеся перспективы, и лишь затем неохотно разошлись по домам.

Стоило дверям закрыться за последним гостем, как Хань Дахуа, до этого сидевший бледнее смерти, запричитал:

— Ну всё, доигрались. Вот увидите, теперь Ли Маньфу вместе со своей Собачьей лапой живьём нас сожрут.

Он с досадой повернулся к Хань Дую и закричал:

— Хотел схитрить, да сам себя перехитрил! Локти потом кусать будешь!

Хань Дуй даже бровью не повёл:

— Папа, а без этого они нас будто на руках носили? В народе говорят: «Коли чирей не вскрыть, до беды недалеко». Так пусть лучше этот нарыв лопнет от моей руки. Я парень грамотный, школу окончил, в таких делах побольше вашего соображаю.

Хань Дахуа аж челюсть свело от злости, он лишь молча сверлил сына яростным взглядом.

Не в силах больше оставаться в четырёх стенах, Хань Дахуа решил пройтись по улице, чтобы унять душевную бурю. Однако не успел он переступить порог, как нос к носу столкнулся со своей бывшей тёщей и старшим сыном Хань Ганом.

Ясно было без слов — парень привёл тяжёлую артиллерию в лице бабки.

Старуха Ван, сверкая грозными очами, с ходу пошла в наступление:

— А, Дахуа, дома! Вот и славно. У меня к тебе и к Юэсян есть разговор. И не вздумай удирать, марш в дом!

Услышав зычный голос с улицы, Чэнь Юэсян многозначительно посмотрела на Хань Дую:

— Ну вот и наш главный семейный нарыв пожаловал. Погляжу я, как ты его вскрывать будешь.

Хань Дуй и бровью не повёл, смело шагнул к выходу:

— Не изволь беспокоиться, мама. Я всё улажу. В искусстве ставить на место крикунов мне равных нет.